

РОССИЙСКАЯ НЕОКАНТИАНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПРАВА: ОРИГИНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ИДЕЙ КАНТА ИЛИ ТУПИКОВЫЙ ПРОЕКТ?*

Николай Шавеко

Анализируется рецепция неокантианской философии права в дореволюционной России с целью показать значимость неокантианства для современного этапа развития философии права. Акцентируется внимание на проблеме правового идеала, которая сейчас, когда государство предпринимает попытки правовой защиты традиционных ценностей и выработки консолидирующей общенациональной идентичности, является особо актуальной. Отмечается, что в начале XX в. российская юриспруденция испытала влияние идей Р. Штаммлера, что привело к «возрождению» концепции естественного права, в то время как на Западе это произошло позже, после Второй мировой войны, и было связано с влиянием учения другого неокантианского мыслителя – Г. Радбруха. Делается вывод, что ряд ключевых положений неокантианской философии права применительно к проблеме правового идеала сохраняют свою убедительность и в наше время. Во-первых, это идея разграничения сущего и должного, во-вторых, понимание правового идеала как регулятивной идеи, т.е. как формального принципа, с помощью которого оцениваются отдельные правовые нормы, в-третьих, это некоторые леволиберальные идеи. Таким образом, русское неокантианство может рассматриваться как самостоятельная веха в истории политико-правовой мысли – веха, на которую мы можем сейчас опираться, не противопоставляя себя бездумно Западу.

Ключевые слова: неокантианство, возрожденное естественное право, справедливость, правовой идеал, Р. Штаммлер, Г. Радбрух.

Институт философии и права
Уральского отделения РАН

The article examines the reception of neo-Kantian philosophy of law in pre-revolutionary Russia in order to show the significance of neo-Kantianism for the modern stage of development of philosophy of law. The article focuses on the problem of the legal ideal, which is particularly relevant now, when the state is attempting to legally protect traditional moral values and develop a consolidating national identity. It is noted that in the early twentieth century Russian jurisprudence was strongly influenced by the ideas of Rudolf Stammler, which led to the “revival” of the concept of natural law, while in the West it happened later, after the Second World War, and resulted from the influence of the ideas of another neo-Kantian thinker, Gustav Radbruch. The author of the article comes to the conclusion that a number of key provisions of the neo-Kantian philosophy of law, especially with regard to the problem of legal ideal, retain their persuasiveness in our time. Firstly, it is the idea of distinguishing between the real and the proper, secondly, the understanding of the legal ideal as a regulative idea, i.e. as a formal principle by means of which all the existing legal norms are evaluated, and, thirdly, some left-liberal ideas. Thus, the author claims, the teachings of Russian neo-Kantianism can be regarded as an independent milestone in the history of political and legal thought – a milestone on which we can now rely without mindlessly opposing ourselves to the West.

Keywords: neo-Kantianism, revived natural law, justice, legal ideal, Rudolf Stammler, Gustav Radbruch.

© Шавеко Н.А., 2024

<https://doi.org/10.31119/phlog.2024.1-2.218>

* Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Ниже будет рассмотрен феномен рецепции неокантианской философии права в дореволюционной России и оценена значимость неокантианства для современного этапа развития философии права. Поводом для обращения к указанной тематике стала примечательная, по нашему мнению, ситуация: в начале XX в. российская юриспруденция испытала сильнейшее влияние западного неокантианства (Р. Штаммлер), что ознаменовалось «возрождением» идеи естественного права; в то же время, применительно к самим западным странам сложно говорить о столь же сильном влиянии неокантианства на развитие юриспруденции; в результате, когда на Западе неокантианство уже клонилось к закату, в России оно переживало расцвет. Все это поднимает вопрос о том, насколько актуальным является обращение к российской дореволюционной неокантианской философии права на современном этапе развития российской юриспруденции. Особенно это важно в контексте разработки государственных стратегий правового развития с учетом того, что в настоящее время государство предпринимает серьезные попытки правовой защиты традиционных духовно-нравственных ценностей и выработки консолидирующей общенациональной идентичности.

О судьбах неокантианской философии права в России и на Западе

Неокантианство как философское течение зародилось в последней трети XIX в. в Германии, выделяют Марбургскую (Г. Коген, П. Наторп) и Баденскую (В. Виндельбанд, Г. Риккерт) школы неокантианства. Однако перенос неокантианской философии на область права произошел только в самом конце XIX в. – с публикацией в 1896 г. двухтомного фундаментального труда Р. Штаммлера «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории» [21]. Штаммлер (ученик Г. Когена, друг П. Наторпа, в общем – представитель Марбургской школы неокантианства) предложил концепцию «естественного права с изменяющимся содержанием», согласно которой не существует какого-то неизменяемого и абсолютного свода законов, пригодного для всех стран и времен (т.е. «естественного права» в классическом смысле), вместо этого неизменяемой и абсолютной является только высшая формула правового идеала, выступающая в статусе регулятивной идеи, а конкретное содержание, соответствующее этой идее, изменчиво. Эту свою базовую идею Штаммлер обосновывал, заимствуя неокантианское разграничение критического и генетического методов (в его терминологии – систематического и генетического методов).

В России к тому времени Марбург стал местом своего рода паломничества интеллигенции, желавшей поучиться у прославленных педагогов [3, с. 67]. Поэтому не удивительно, что начало XX в. в России характеризовалось «возрождением» идеи естественного права, причем именно на неокантианских принципах. Огромное влияние неокантианства на русскую философию права того времени подчеркивается множеством исследователей [1, с. 1; 2, с. 6–12, 32, 98; 5, с. 65; 6, с. 15–16; 8, с. 18–19], хотя, конечно, наряду с неокантианским юридическим идеализмом (П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, С.И. Гессен и многие др.) существовал также юридический идеализм религиозного характера (В.С. Соловьев и др.), а также юридический позитивизм (Н.М. Коркунов, Г.Ф. Шершеневич и др.).

Этот феномен заимствования неокантианского тренда весьма примечателен, поскольку применительно к западным странам мы не можем говорить об аналогичном влиянии неокантианства на развитие юриспруденции. Так, у Р. Штаммлера не было знаменитых последователей; у известного австрийского юриста Г. Кельзена неокантианство вообще максимально приблизилось к позитивизму.

В свою очередь «возрождение» естественного права на Западе связывают вообще с другим неокантианским мыслителем – Г. Радбрухом и с совершенно другой исторической эпохой, а именно с окончанием Второй мировой войны. Г. Радбрух, начиная с 1910-х гг. – вероятно, под влиянием Штаммлера – развивал свое понимание права как феномена, смыслом которого является стремление к справедливости. Отсюда, когда после победы над нацизмом встал вопрос о том, можно ли судить немецких солдат и гражданских лиц за то, что они «всего лишь» исполняли закон (пусть по существу и бесчеловечный), немецкие суды нередко руководствовались установкой, которую в литературе окрестили как «формула Радбруха». Согласно этой формуле, «когда действующий закон становится столь вопиюще несовместимым со справедливостью, что закон как “несправедливое право” отрицает справедливость... когда к справедливости даже не стремятся, а равенство, составляющее ее основу, сознательно отрицается в правотворческом процессе» [17, с. 234], то закон в принципе не может считаться правом, а значит, нет никаких моральных оснований его соблюдать. Немецкие суды, используя порой практически дословно указанную аргументацию, после Второй мировой войны стали выносить приговоры тем нацистам, которые безукоризненно соблюдали закон, но «по существу» совершили преступление. И именно с этим феноменом на Западе связывают термин «возрождение» естественного права, а вовсе не с идеями Штаммлера.

Впоследствии «формулу Радбруха» вспомнили еще раз в 1990-е гг., после объединения Германии, когда стали выносить приговоры в отношении тех пограничников ГДР, которые расстреливали лиц, пытавшихся пересечь Берлинскую стену [12, с. 222–223, 227–228]. Вообще, в немецкоязычной литературе о Г. Радбрухе пишут гораздо чаще, чем о Штаммлере. С осмыслением «формулы Радбруха» связаны также знаменитые дебаты англоязычных правоведов Г. Харта и Л. Фуллера в 1958 г. [10; 11].

Таким образом, в России «возрождение» естественного права связывается с влиянием Штаммлера на русскую дореволюционную юриспруденцию, тогда как в Германии – с «формулой Радбруха». В России неокантианство имело огромное влияние на правовой идеализм, тогда как на Западе такого не наблюдалось. Даже внимание к Г. Радбруху, как пояснил автору статьи один немецкий профессор в частной беседе, связано не столько с неокантианскими элементами его философии, сколько с той двусмысленностью его тезисов, которая дает основание для различных интерпретаций, и с тем влиянием, которое взгляды Г. Радбруха оказали на судебную практику. Показательно, что даже сейчас статья о Штаммлере в Википедии на русском языке по объему больше, чем на немецком языке (относительно статьи о Г. Радбрухе ситуация противоположная).

В результате получается странная картина: когда на Западе неокантианство уже клонилось к закату (вытесняясь более популярными философскими течениями, такими как феноменология, экзистенциализм, прагматизм и т.д.), в России оно переживало расцвет. И, по всей видимости, развивалось бы дальше, если бы не революция. В советский же период, как известно, социально-гуманитарные науки, включая юриспруденцию, существовали под прессингом государственной идеологии, а потому не могли адекватно развиваться. По этой причине, когда в 1990-е гг. официальная идеология была отменена, встал вопрос о возвращении к насильственно прерванной традиции. Но насколько эта традиция оказалась актуальной в новых условиях? Обнаружилось, что на Западе неокантианство угасло примерно тогда же, когда и в России, но только по «естественным», а не по «насильственным» причинам. Так стоит ли его тогда «возрождать», «переосмыслить», «развивать»?

Ниже мы попытаемся ответить на этот вопрос применительно к проблеме правового идеала, хотя надо понимать, что влияние неокантианства на философию права не ограничивается указанной проблемой, ведь тот же Штаммлер предложил свое собственное определение права, через которое обосновывал конституирующую роль права при определении понятия общества (критическое осмысление см., напр., в [4]).

О значимости неокантианства для современной философии права

На наш взгляд, по крайней мере по проблеме правового идеала, российская неокантианская философия права развила ряд заслуживающих внимания идей.

Во-первых, это кантианская (а если быть точным – еще юмовская) идея разграничения сущего и должного. Это разграничение и сегодня смотрится весьма убедительно. Правда, и по сей день возникает вопрос: «Как же нам обосновать должное, не прибегая к сущему?». Позиция самого И. Канта по этому вопросу убеждает далеко не всех. Вероятно, не следует устранять вообще всякий опыт. Мы должны анализировать и осмысливать опытные данные, и вполне возможно, что сам опыт необходим для выработки критериев осмысления опыта. Проще говоря, мы не должны принимать существующий порядок вещей как должное, но мы можем использовать данные опыта (например, наши первичные моральные интуиции) как первичный элемент нашего познания правового идеала, как пищу для ума, как своего рода «строительные леса» при построении философско-правовой теории. Представляется, что неокантианцы начала XX в. этого не осознали. Однако такие выдающиеся политические философы второй половины XX в., как Джон Ролз и Юрген Хабермас, в разной форме (один через конструкцию «исходного положения» [18], второй через конструкцию «идеальной речевой ситуации» [20]) рассуждая о справедливости, предлагали именно это. Можно не соглашаться с конкретными способами соединения сущего и должного, которые предложили данные авторы, но, как представляется, общее направление они выбрали верное.

Во-вторых, заслуживающим внимания представляется понимание правового идеала как регулятивной идеи, т.е. как формального принципа, с помощью которого можно оценивать отдельные правовые нормы.

Вообще, как отмечалось самими неокантианцами, эта мысль также была свойственна еще Канту [13, с. 387; 14, с. 148]. Например, Кант понимал всеобщий правовой закон как универсализацию идеи внешней свободы. Соответственно, правомерность каждого конкретного поступка можно оценить, соотнося его с указанной регулятивной идеей. И все же, кантовские «Метафизические начала учения о праве» – это во многом набор положений, которые позиционируются как единственно верные «для всех стран и времен», а не как относительные истины, при разных обстоятельствах могущие соответствовать или не соответствовать идеалу. Если же брать моральную философию Канта, то отстаиваемый им категорический императив тоже, с одной стороны, может быть рассмотрен как регулятивная идея, т.е. как формальный принцип, с помощью которого можно оценивать различные максимы, с другой же стороны, по Канту, если лгать нельзя, то нельзя всегда, и если самоубийство запрещено, то запрещено всегда (и здесь нет указания на то, что верность соответствующих максим зависит от каких-то изменчивых условий). Поэтому у Канта понимание высшего идеала как регулятивного принципа, на наш взгляд, не до конца развито. По крайней мере, у него еще нет идеи «изменчивого содержания» ни применительно к правовому, ни применительно к нравственному идеалам, а развили ее именно неокантианцы.

Более того, Канту обычно приписывают фразу «Ты должен, значит, ты можешь». Неокантианцы здесь придерживались иной позиции. Для них безусловно неосуществимое и недостижимое попросту не могло быть идеалом. Русский правовед П.И. Новгородцев ясно показал это на примере коммунизма. Коммунизм, согласно Новгородцеву, – это «утопия земного рая»; пока эта утопия не достигнута, коммунисты готовы вечно жертвовать настоящим. Но правовой идеал не может быть таким: правовой идеал ценен, даже если он никогда не будет достигнут, потому что ценным является даже минимальное приближение к указанному идеалу [16, с. 420]. Если же идеал безусловно недостижим, а лишь частичное приближение к нему не обладает самостоятельной ценностью, то он и не может называться идеалом [9, с. 72]. Понимание правового идеала как регулятивной идеи означает интерпретацию его как «путеводной звезды», а не как утопии. И в этом вопросе, как представляется, также имеется значительный вклад неокантианцев.

Наконец, в-третьих, если Кант считается одним из тех мыслителей, которые систематически обосновали классические либеральные идеалы, то неокантианские правоведы начала XX в. были одними из тех, которые отстаивали идеалы так называемого социального либерализма, допускающего существование государственного вмешательства в экономику и культуру. Это не значит, что идея права на достойное существование, которая развивалась русскими неокантианцами, а также В.С. Соловьевым [19, с. 421], или идея П.И. Новгородцева о необходимости обеспечить каждому «равенство стартовых возможностей» [15, с. 316] верна. Но общий тренд перехода от классического к социальному либерализму в

то время был, безусловно, прогрессивным. Тот факт, что сегодня в Конституции России закреплён идеал социального государства, обеспечивающего достойную жизнь человека, является подтверждением сохраняющейся актуальности тех неокантианских идей, которые были развиты в Российской империи в начале XX в.

Заключение

Общий вывод состоит в том, что ключевые идеи неокантианцев – пусть и не все – смотрятся вполне убедительно и сегодня. Критика неокантианства в наше время также имеется, и она достаточно сильна [7]. Но мы не будем спорить с тем, что у неокантианства есть свои проблемы и краеугольные камни. В конце концов, выше уже были упомянуты две проблемы неокантианской философии права, которые нам кажутся существенными: 1) слишком строгое разграничение должного и сущего и 2) сомнительность права на достойное существование. В любом случае, рассмотрение каждого из слабых мест неокантианского подхода к вопросу правового идеала должно быть предметом отдельного исследования. В заключение обратим лишь внимание на следующее. Сегодня в силу ряда причин актуальными становятся дискуссии о традиционных ценностях. Но ещё с 1990-х гг. юридическое сообщество активно обращается к своим дореволюционным традициям. И уже тогда оказалось, что в области философии права эта традиция является во многом западной, поскольку российская философско-правовая мысль в целом развивалась под огромным влиянием Запада. По большей части данная традиция – либеральная. Но некоторые неокантианские правоведы, например Б.А. Кистяковский или С.И. Гессен, высказывали умеренные социалистические идеи (которые, впрочем, также являются западным продуктом). В любом случае, консервативный уклон был свойственен скорее самой государственной власти, чем свободной интеллигенции и университетской профессуре. Причем этот консерватизм не выдержал испытания временем и был сметен революцией. Впоследствии потерпел поражение уже проект марксизма-ленинизма как «утопии земного рая». Отсюда перед нами снова открылись идеи социального либерализма или умеренного социализма. И сегодня они снова корреспондируют левوليберальному ценностному консенсусу, сложившемуся (и пока ещё худо-бедно существующему) на Западе. Нет сомнения, что западная философия с тех пор ушла далеко вперед; общее первенство, пожалуй, перешло от немцев к англо-саксонскому миру. Но стоит обратить внимание на то, что два крупнейших западных политических философа последней трети XX в. Дж. Ролз и Ю. Хабермас называли себя продолжателями именно кантовской философской традиции и что волнуют их зачастую те же проблемы, что и русских неокантианцев. Поэтому, с одной стороны, русскую философию права можно рассматривать как тупиковый проект в том смысле, что она не повлияла на развитие западной философии права, но, с другой стороны, как показано в данной небольшой статье, в ней был развит ряд идей, не потерявших убедительности и сегодня, а сам феномен русского неокантианства можно рассматривать как самостоятельную веху в истории

политико-правовой мысли – веку, на которую мы можем сейчас опираться, не противопоставляя себя бездумно Западу.

Литература

Исследования

1. *Алексеев Н.Н.* Социальная философия Рудольфа Штамллера // Вопросы философии и психологии. 1909. № 1 (96). С. 125–150.
2. *Жуков В.Н.* Русская философия права: от рационализма к мистицизму. М.: Юрлитинформ, 2013.
3. История философии: Запад – Россия – Восток. Книга третья. Философия XIX–XX вв. / Под ред. Н.В. Мотрошиловой, А.М. Руткевича. М.: Академический проект, 2012.
4. *Малинов А.В.* Критическое построение в социологии (из лекций академика А.С. Лаппо-Данилевского) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 2 (244). С. 116–123.
5. *Немирова Н.В.* Особенности зарождения неокантианства в России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 24. С. 65–69.
6. *Поляков А.В.* Возрожденное естественное право в России: критический анализ основных концепций: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ленинград, 1997.
7. *Соломко З.В.* На кругах юридического неокантианства: к вопросу о феномене рецепции кантовской философии права в российском правопонимании // Проблемы в российском законодательстве. 2012. № 1. С. 229–232.
8. *Фролова Е.А.* Методология науки о праве в отечественных неокантианских учениях // Право и государство: теория и практика. 2013. № 9. С. 8–12.
9. *Фролова Е.А.* Правовой идеал в философии права // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2011. № 5. С. 68–81.
10. *Фуллер Л.Л.* Позитивизм и верность праву: Ответ профессору Харту // Правоведение. 2005. № 6. С. 124–159.
11. *Харт Г.Л.А.* Позитивизм и разграничение права и морали // Правоведение. 2005. № 5. С. 104–136.
12. *Шавеко Н.А.* Правовой идеал: кантианская традиция в учениях о справедливости XX века. М.: Проспект, 2021.

Источники

13. *Кистяковский Б.А.* Методологическая природа науки о праве // Кистяковский Б.А. Избранное. В 2 ч. Ч. 1. М.: РОССПЭН, 2010. С. 359–388.
14. *Новгородцев П.И.* Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве: Два типических построения в области философии права. М.: Университетская типография, 1901.
15. *Новгородцев П.И.* Кризис современного правосознания // Новгородцев П.И. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 35–366.
16. *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале // Новгородцев П.И. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 367–877.
17. *Радбрух Г.* Философия права. М.: Международные отношения, 2004.
18. *Ролз Дж.* Теория справедливости. М.: ЛКИ, 2011.

19. Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 47–580.
20. Хабермас Ю. Вовлечение Другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2008.
21. Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Т. 1, 2. СПб.: Начало, 1907.

Shaveko, Nikolai A. *The Russian Neo-Kantian philosophy of law: a unique development of Kant's ideas or a dead-end project?*

References

1. Alekseev, N.N. (1909), The social philosophy of Rudolf Stammler, *Voprosy filosofii i psikhologii*, no. 1 (96), pp. 125–150 (in Russian).
2. Zhukov, V.N. (2013) *Russkaja filosofiya prava: ot ratsionalizma k mistitsizmu* [Russian Philosophy of Law: From Rationalism to Mysticism]. Jurlitinform, Moscow (in Russian).
3. Motroshilova, N.V., & Rutkevich, A.M. (eds.) (2012), *Istoriya filosofii: Zapad – Rossiya – Vostok. Kniga tretya. Filosofiya XIX–XX vv.* [History of Philosophy: West – Russia – East. Book Three. Philosophy of the 19th – 20th centuries], Akademicheskii proekt, Moscow (in Russian).
4. Malinov, A.V. (2016), Critical construction in sociology (from the lectures by Academician A.S. Lappo-Danilevsky), *Nauchno-tekhnicheskiye vedomosti SPbGPU. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki*, no. 2 (244), pp. 116–123 (in Russian).
5. Nemirova, N.V. (2007), Features of the emergence of Neo-Kantianism in Russia, *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, no. 24, pp. 65–69 (in Russian).
6. Polyakov, A.V. (1997), *Revived natural law in Russia: a critical analysis of the basic concepts*, Abstract of Cand.Sc. Thesis, Leningrad (in Russian).
7. Solomko, Z.V. (2012), In the circles of legal Neo-Kantianism: on the phenomenon of reception of the Kantian philosophy of law in the Russian legal understanding, *Probely v rossiyskom zakonodatelstve*, no. 1, pp. 229–232 (in Russian).
8. Frolova, E.A. (2013), Methodology of the science of law in Russian Neo-Kantian teachings, *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, no. 9, pp. 8–12 (in Russian).
9. Frolova, E.A. (2011), The legal ideal in the philosophy of law, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo*, no. 5, pp. 68–81 (in Russian).
10. Fuller, L.L. (2005), Positivism and fidelity to law: A reply to Professor Hart, *Pravovedenie*, no. 6, pp. 124–159 (in Russian).
11. Hart, G.L.A. (2005), Positivism and the separation of law and morals, *Pravovedenie*, no. 5, pp. 104–136 (in Russian).
12. Shaveko, N.A. (2021), *Pravovoy ideal: kantianskaya traditsiya v ucheniyakh o spravedlivosti XX veka* [Legal Ideal: The Kantian Tradition in the Teachings of Justice of the Twentieth Century], Prospekt, Moscow (in Russian).